

Нью-Йоркъ.

этомъ городѣ. Нынче другимъ онъ дышетъ — той-же обыденной и житейской сутолкой, что и вездѣ, трудомъ, спокойствіемъ, привѣтливостію Прованса... Въ огромномъ книжномъ магазинѣ все-же книги, и хорошія; по улицѣ идетъ священникъ; около Собора продаютъ цвѣты, на рынкѣ зелень, рыба, южное оживленье, солнце. Нынче море блещетъ такой синью, и такъ сверкаетъ золото въ ряби, такъ легки, колеблемы лодки на его стеклѣ, такъ горитъ свѣтъ на плитахъ набережной за тентомъ ресторана — такъ полно все свѣта и солнца. Это-же даръ, какъ вино Прованса, какъ морскія рыбы въ южномъ кушаньѣ „буйабесъ“, какъ оливки, масло, виноградъ, какъ

блескъ черныхъ глазъ и звукъ непонятно-мягкой рѣчи.

Вопреки многимъ городамъ днемъ Тулонъ проще, милѣе, чище, солнце выручаетъ его, выручаютъ жители, море и горы, воздухъ.

Смягчается вечерній гнѣвъ. И когда въ пять часовъ вылетишь въ пустынную, голубоватую долину, что ведетъ къ С. Рафаэлю, съ мирной каймой горъ направо, и утесами, лѣсистыми и выжженными, слѣва; проносясь въ поѣздѣ мимо одинокихъ фермъ, виноградниковъ и посѣвовъ, съ пролетающимъ надъ тобой, на скалѣ, древнимъ гнѣздомъ-городкомъ, вновь почувствуешь: ахъ, благодатный край!

И вновь поймешь идиллію Прованса.

Бор. Зайцевъ.

Сергѣй Виноградовъ.

О выставкѣ Русскаго Искусства въ Америкѣ.

Не буду говорить о причинахъ, слѣдствіемъ которыхъ явилась смѣлая мысль организовать и устроить выставку русскаго искусства въ Америкѣ. Много, очень много нужно было потратить силъ, энергіи, времени, что-бы эту смѣлую мысль осуществить.

Надо было объединить, убѣдить, заставить повѣрить, что выставку въ Америкѣ и нужно, и можно устроить — цѣлыхъ сто художниковъ различныхъ толковъ, направленій. А хотѣлось взять діапазонъ шире — отсѣкая только крайности, какъ слѣва, такъ и справа. Хотѣлось,

что-бы русское современное творчество представлено было возможно полнѣе, яснѣе.

И вотъ, послѣ напряженной, полуторагодовой работы выставку удалось подготовить. До тысячи произведеній ста русскихъ художниковъ поплыли за океанъ. Затѣя, конечно, потребовала не малыхъ средствъ, которыхъ у русскихъ художниковъ въ нашей современности уже не было; и вотъ на помощь имъ пришелъ И. Д. Сытинъ — владѣлецъ крупнѣйшаго книгоиздательства и большой газеты „Русское Слово“.

Конечно, бывший, конечно, в прошломъ. Имя И. Д. Сытина русскіе художники всегда вспомнятъ съ глубокой признательностью.

Афиша америк. выставки. Рисунокъ по Кустодіевской картинѣ „Извозчикъ“.

Осенью 23-го года мы: К. А. Сомовъ, И. Э. Грабарь и я, а нѣсколько позднѣе и И. Д. Сытинъ, выѣхали въ Америку. Надо сказать, что и Сомовъ, и Грабарь, и я — много видѣли, ранѣе часто путешествуя въ Европѣ, но Нью-Йоркъ такъ поразилъ насъ своей непохожестью на все видѣнное и не только внѣшней несхожестью, но, присмотрѣвшись, — и всѣмъ укладомъ жизни.

Ясно намъ стало, что наши навыки, нашъ русскій идеализмъ, такъ сказать, — не приложишь здѣсь, надо дѣйствовать по инакому — по американски. Наступилъ 2-ой тяжелый подготовительный періодъ уже на мѣстѣ — въ Нью-Йоркѣ.

Наконецъ, въ началѣ Марта 24 года состоялось открытіе выставки Русскаго Искусства.

Намъ пришлось для такой большой выставки снять 12-ый этажъ громаднаго дома (ну, гдѣ-жъ это видано, чтобы выставка помѣщалась на 12-омъ этажѣ?), совершенно пустой, въ которомъ нужно было настроить комнатъ изъ картонныхъ щитовъ и въ нихъ размѣстить картины и скульптуру. Когда выставка развернулась, она безусловно была и красива и чрезвычайно своеобразна; и американцы поняли это и приняли. Интересъ выставкой возбужденъ былъ большой, — это было видно и въ публикѣ и выявилось ярко въ печати. Цѣлыя страницы большихъ Нью-Йоркскихъ газетъ были посвящены нашей выставкѣ, масса печаталось снимковъ съ картинъ и въ газетахъ, и въ иллюстрированныхъ журналахъ. Нѣкоторые журналы воспроизводили репродукціи въ краскахъ . . . Творчество почти каждого художника предста-

влено было возможно полно: Архиповъ, — темпераментный, яркій живописецъ, даль чудесныя вещи: „Молодуха“, „Бабы“, „На родину“, „Пожаръ въ деревнѣ“ и др. Аллегоричные Бакшеевъ и Бялыницкій-Бируля, миниатюры Чехонина и чудесная его графика, миниатюры О. Захарова, превосходная графика и автолитографии Добужинскаго, мастерскія акварели Дурнова, гравюры-офорты архитектурныхъ мотивовъ такого исключительнаго мастера, какъ Оминъ, цѣлая стѣна Грабаря, 6 вещей Бориса Григорьева жутко-острыхъ, блестящій пейзажистъ Жуковскій представленъ 20-ю вещами, Юонъ съ типичной для него русской провинціей, четко рисующій Кардовскій (акварели), живописецъ чистой воды Кончаловскій, Конст. Коровинъ — чаровникъ красокъ, Кустодіевъ — ужъ такой русскій въ своихъ вещахъ, какъ „Купчиха“. „Извозчикъ“, Портретъ Шаляпина на фонѣ зимней ярмарки, „Дѣвушка на Волгѣ“ и цѣлый рядъ другихъ — до 20-ти полотенъ.

Кстати, курьезъ: американцы никакъ не могли принять Кустодіевскаго „Извозчика“ — за извозчика и все спрашивали: „Это городской?“ — „Нѣтъ, не городской, а извозчикъ.“ — „Ахъ, это значитъ дѣдь-морозъ“ . . . А мы какъ-разъ использовали для нашей афиши этого кустодіевскаго извозчика и многіе-многіе изъ публики брали и уносили себѣ этого „русскаго Дѣда-Мороза“.

Прекрасные пейзажи Крымова, кавказскія акварели Евг. Лансере и большая картина его же „Дагестанцы“, Лентуловъ и Машковъ, Петровъ-Воткинъ, примыкающіе къ болѣе лѣвому теченію. Поэтъ деревни, усадьбы А. С. Степановъ, умершій какъ-разъ, когда выставка поѣхала въ Америку, чуткій тонкій художникъ. Его одну картину: въ зимніе сумерки дѣвушка ведетъ на водопой лошадей — приобрѣлъ американскій художникъ. Радостно мнѣ было видѣть, какъ онъ понялъ поэзію далекой ему страны. Большой художникъ Нестеровъ представленъ былъ характерными его произведеніями, среди которыхъ былъ вариантъ извѣстной его картины „Видѣніе Отрока Варѣоломея“. Большая картина „Святая Варвара“, „Игуменя въ скиту“, идиллія „Весна“ и др. Изысканный К. Сомовъ, такъ чувствующій и передающій 18-ый вѣкъ и вѣкъ маркизъ. Тонкій портретистъ С. Соринъ, прославленный и въ Америкѣ, и въ Лондонѣ. Викторъ Васнецовъ — его большая картина „Иванъ царевичъ бьется съ змѣемъ Горынычемъ“, „На стражѣ“ — русскій древній воинъ подъ стѣнами Кремля, „Бой“ и портреты. Аполинарій Васнецовъ — Пѣвецъ „Старой Москвы“, стараго Новгорода. 12 большихъ полотенъ Полѣнова изъ его извѣстнаго цикла „Жизнь Иисуса“. Сильный художникъ — Зинаида Серебрякова, — всѣ 14 ея произведеній — и акварели, и масло — такъ убѣдительно, вѣски и какъ-то, я бы сказалъ, мужественны; въ нѣкоторыхъ есть тончайшая эротика и эта тонкость художественную цѣнность произведеній повышаетъ до значительности чрезвы-

чайной. Особенно совершенна ея картина: „Спящая обнаженная дѣвочка“. Первѣйшій гравёръ — Анна П. Остроумова помимо гравюръ дала чудесныя акварели Петербурга. Густые портреты Малютина, хорошо извѣстный Ригѣ Богдановъ-Бѣльскій, пейзажъ строгой Сѣверной природы Рылова и цѣлый рядъ еще художниковъ и два скульптора: Коненковъ, огромный талантъ, — его было до 20 скульптуръ и Анна С. Голубкина, — творчество ея какъ такъ мощно, совсѣмъ не женственно.

Въ этомъ Нью-Йоркѣ спѣшащемъ, бѣгущемъ за долларомъ и кажется только за долларомъ, съ его вѣчнымъ лязгомъ, жвачкой резины-проявленный интересъ къ русской выставкѣ надо признать огромнымъ моральнымъ успѣхомъ.

Съ осени 24-го года изъ оставшихся картинъ послѣ Нью-Йорка были организованы двѣ передвижныя выставки — одна поѣхала на югъ, другая на сѣверъ по значительнымъ городамъ С. Штатовъ.

Южная выставка сейчасъ находится въ Калифорніи. Интересъ къ выставкамъ всюду большой; въ нѣкоторыхъ городахъ выражены пожеланія, чтобы русская выставка явилась періодически ежегодной.

Нѣсколько словъ о Нью-Йоркѣ. Незабываемое первое впечатлѣніе, — когда нашъ гигант-пароходъ вошелъ въ гавань и сразу омертвѣлъ, сталъ безпомощенъ, а къ нему устремились

маленькіе пароходишки и точно впились одна партія ихъ въ бокъ у носа парохода, а другая у кормы съ противоположной стороны, стараясь повернуть гиганта и ввести въ докъ къ пристани. Это заняло часы, а мы съ борта любовались изумительнымъ, невиданнымъ силуэтомъ Нью-Йорка. Сгрудившись на узкомъ мысу острова, выдвинувшася въ океанъ, тянущіеся къ нему гиганскіе ящики подъ лиловою дымкой яснаго, румянаго, осенняго утра, представляли прямо фантастическій видъ, очень волнующій . . .

Въ вечеръ перваго-же дня увидѣли и Бродвей, — это гордость нью-йоркцевъ: какая-то огненная вакханалія. Мы видѣли только-что въ Лондонѣ эту огневую рекламу, — но по сравненію съ Бродвей — это точно въ пригородѣ. Буквально море огня. Точно какое-то величайшее празднество эта диковинная иллюминація. И чего только нѣтъ: тутъ танцующая огненная балерина, тамъ взмахивающій крыльями орелъ, колоссальный человекъ, закуривающій трубку, тамъ джентльменъ, наливающій и затѣмъ пьющій какой-то безалкогольный (сухая страна) напитокъ.

По угламъ домовъ подъ крышу, къ 20-му и больше этажу, взвиваются ежесекундно огненные змѣи, что-то тамъ напишетъ огнемъ, тухнетъ и сейчасъ же взвивается другая иного цвѣта. Красива эта иллюминація, но . . . не дѣли черезъ двѣ я избѣгалъ ужъ Бродвей — довольно... Странное впечатлѣніе на Бродвей днемъ: многія рекламы не тушатся и продолжаютъ горѣть, и огни какіе-то слѣпые — неприятно!.. Одна изъ красивѣйшихъ огневыхъ рекламъ — это о резинкѣ для жеванія: устроенъ цѣлый пейзажъ съ фигурками. Помѣщена реклама на крышѣ сравнительно маленькаго дома, утонувшаго среди небоскребовъ. Мнѣ говорили, что владѣльцу дома уплачивается 500.000 долларовъ въ годъ за право помѣщенія на крышѣ этой рекламы... Ровно въ 5 часовъ дня кончаются занятія въ безчисленныхъ конторахъ дѣлового города и гигантскіе дома выбрасываютъ тысячи, толпы людей. Эти людскіе потоки заполняютъ улицы и утекаютъ подъ землю на подземную дорогу. А масштабъ вотъ: одинъ „домъ Вулвордъ“ вмѣщаетъ 22.000 служащихъ. Правда, это самый высокій домъ сейчасъ: въ немъ 58 этажей...

Видѣлъ съ какимъ энтузіазмомъ принимаютъ Ѳ. И. Шаляпина въ Оперѣ и А. П. Павлову въ балетѣ. Помню, какъ взволновался, когда оркестръ заигралъ дивныя мелодіи Мусоргскаго въ „Борисъ Годуновъ“. Такая родная, такая русская музыка. Это особю жгуче чувствуешь, когда далеко, далеко за океаномъ . . .

Много повидавши на свѣтѣ, думается мнѣ теперь, и вѣрю я, что Россія, а особенно Москва, была въ искусствѣ такова, какъ когда-то древнія Аѳины... Но мы это просмотрѣли...

Сергѣй Виноградовъ.

Архиповъ.

„Молодуха“.

ИЕРУСАЛИМ

П35
45

1925 г 1-14 чек. 1.

XII П35
456

ШОРРОЗВОШЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1 1925 1

ПЕРЕЗВОНЫ.

На чужбинѣ растеть деревцо...
Не молчить, говорить,
И поеть, и звенить перезвонами...
Какъ послушаешь, — чуду вѣрится:
Гдѣ-то свѣтитъ, горить,
Восковая свѣча предъ амвонами...

Колокольни, что стражи вѣчные...
Все глядятъ въ небеса,
То въ туманы, то въ синь искрометную...
Черезъ дали земли безконечныя,
Мѣднымъ звономъ поють
И плывутъ голоса...

Черезъ горы, долины, лѣса,
Перезвоны летять перелетные...

Ольга Далматова.

ОБЪТОВАНИЕ.

Сомкни усталыя рѣсницы,
На то, что было, не смотри.
Закрывъ глаза, читай страницы,
Что свѣтятъ ярко тамъ внутри.

Храни нетронутость святыни,
Которой перемѣны нѣтъ.
И знай, — отъ вѣка и донинѣ
Намъ свѣтитъ негасимый свѣтъ.

Изъ бездны ада мы бѣжали,
И море бьетъ о чуждый брегъ.
Но заключили мы скрижали
Въ недосыгаемый ковчегъ.

Когда жъ ягненокъ съ волкомъ рядомъ
Пойдутъ одну зарю встрѣчать,
Вдругъ разомкнется намъ надъ кладомъ
Теперь сомкнутая печать.

К. Бальмонтъ.

